

к нему (Василию III, — Г. М.) многоценные дары и повинную».¹⁶ В «Казанской истории» описанию предсмертного раскаяния казанского царя Махметина посвящена 10-я глава. Автор ее рассказывает, что казанский царь был поражен «язвою неисцелимою от главы и до ногу ... никтоже к нему вхождаше в ложницу посетити его ... смрада ради злаго, исходящая от него».¹⁷ Незадолго до смерти Махметин «воспомяну согрешение свое». В раскаянии он отправил «к Москве ... послы своя к великому князю Василию, а с ними же посла к нему царьския дары своя».¹⁸

«Казанская история» дала Ломоносову материал для объяснения причин неудачного похода русских войск под Казань 1524 г.: «по Волге со всем тяжелым снарядам и припасами суда и войска российские в узких местах погружены бревнами от Казанской черемисы».¹⁹ В «Казанской истории» об этом походе сказано так: «От нечаемья нашия беды тоя рати в лоднях на Волге черемисы злыя казанския наших побии... И подсецаху великое древие, дубие, осокорие, и держакху на ужищах и на ладьях пуцаху с высоких гор и з брегов сюду же миновати, и погружатися от единого древа ладьям 5 и более с людми, и з запасом, и стенобитным нарядом».²⁰

Передавая в «Кратком российском летописце» события времени правления Ивана IV, Ломоносов широко черпает не только фактические сведения, но и отношение к фактам автора «Казанской истории». Благожелательная характеристика касимовского хана Шигалея несомненно подсказана «Казанской историей», равно как и упоминание «нечаянной смерти» казанского царя Сафакирея.²¹

Но наиболее ярко раскрывается воздействие «Казанской истории» на отображение исторических фактов и их художественное воплощение при описании Ломоносовым последней казанской царицы — Сумбеки.

Характеристика ногайской княжны Сююн-бике, ставшей женою казанского хана Сафакирея, содержится и в «Летописце начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича». Но она значительно разнится от образа «прекрасной и вельми премудрой» казанской царицы Сумбеки, созданной автором «Казанской истории». Ломоносов полностью принимает концепцию автора — современника и очевидца событий, происходящих в Казанском ханстве в последнее двадцатилетие его существования. Поэтому показания автора «Казанской истории», касающиеся этого последнего периода, Ломоносову представляются более исторически достоверными, чем свидетельства официального «Летописца начала царства». В «Кратком российском летописце» Ломоносова упоминаются как исторические факты все рассказы о жизни Сумбеки, которые переданы в «Казанской истории». Здесь говорится и о том, что «в Казани царица Сумбек с сыном, вдова Сафакиреева, благосклонна была к царевичу Кошакху, которого казанцы не любили и хотели отдать российскому войску. Кошакх из Казани побегал, но пойман и приведен в Москву, где и казнен».²² В «Летописце начала царства» об улане Кошакхе говорится только в связи с сообщением о возникновении в Казани «междоусобной брани» казанцев и крымцев.²³ Но это никак не соотносено с биографией царицы Сумбеки.

¹⁶ М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. VI, М.—Л., 1952, стр. 321.

¹⁷ Казанская история, стр. 63.

¹⁸ Там же.

¹⁹ М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. VI, стр. 321—322.

²⁰ Казанская история, стр. 67.

²¹ Там же, стр. 82.

²² М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. VI, стр. 324.

²³ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, СПб., 1906, стр. 467—468.